
В. М. НЕМЧИНОВ

ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ОБРАЗ МИРА» И «КАРТИНА МИРА» В КОГНИТИВНОМ ДИАЛОГЕ

В рамках проводимого исследования базовых концептов когнитивной культуры в статье устанавливается ментально-познавательное разграничение между двумя часто смешиваемыми ключевыми гуманитарными понятиями «образ мира» и «картина мира». Образ мира ощущается как внутреннее, а его картина рисуется как нечто зафиксированное внешнее. Если первое представляет собой насыщенную эмоциональным интеллектом, интуицией и предвидением проекцию самости вовне, то второе, напротив, в самом начале оказывается готовым сгустком мыслеобразов, а впоследствии навязывается извне как социально правильное представление о внешнем мире и переформатируется каждый раз, лишь когда сама жизнь изменяет устоявшуюся повестку дня. В предложенной автором концепции исходная картина мира впервые рассматривается от самых истоков ее возникновения в процессе появления и выстраивания персональной идентичности при первой встрече с природой, где затем меняющиеся образы мира развиваются в трудном процессе взросления вплоть до формирования уже сложившейся зрелой личности.

Ключевые слова: гуманитарные науки, когнитивная психология, базовые понятия, междисциплинарные соотношения понятий, историческое сознание, персональная идентичность, осведомленность, самость, картина мира, образ мира.

В задачу предлагаемой для дискуссии статьи входит предметное обсуждение двух близких общеупотребительных, часто смешиваемых, но, на наш взгляд, неравновесных по своему смысловому значению понятий «образ мира» и «картина мира». Их частое использование в психологии, культурологии, этнологии, языкознании, литературоведении, социологии, философии, истории и еще в целом ряде смежных гуманитарных дисциплин указывает на то, что они фактически имеют статус базовых категориальных понятий. Поэтому одни специалисты стремятся уравновесить эту пару целым рядом дополнительных понятий, таких как, например, «картина мироустройства», «модель универсума и структура мира»,

Историческая психология и социология истории 1/2020 63–79
DOI: 10.30884/ipsi/2020.01.05

выстраивая с их помощью своеобразные «терминологические коридоры»*. Такая взаимозаменяемая синонимия будет только «разводнять» понимание ключевого слова при отсутствии глубоко продуманных тонких разграничений для каждого включенного в цепочку термина. Другие исследователи, предпочитая разделять эту пару, обращаются в своих работах либо к образу мира, либо к картине мира. При этом они невольно насыщают каждое из выбранных понятий тем дополнительно подразумеваемым содержанием, которое зачастую относится ко второму, неописываемому парному понятию. Третьи, стремясь вытеснить их из активного словаря академических дисциплин, предпочитают использовать в своих исследованиях другие, как им представляется, более равновесные парные пары. Например, «мировоззрение и мировидение», в дополнение к которым употребляются похожие синергетические термины: «миропонимание, мироощущение, мирозерцание, миропредставление, видение мира».

В чем причина подобного смещения понятий? Дело здесь, скорее всего, в структурной неопределенности и, в отличие от строгой логичности естественно-научной картины мира, в большом разбросе несопряженных подходов, используемых в обширном кластере гуманитарных дисциплин. Понятно, что имплицитная равновесность словоупотребления будет необходима пишущему специалисту (конечно же, не просто рассказчику, а скажем нейтральнее – нарратору) для выстраивания простых объяснительных противопоставлений. Вот словарный пример подобной парной контрастной оппозиции: «...мировидение соединяет в себе два способа постижения мира – восточное образно-интуитивное и западное логико-вербальное» (Карта... 2020).

Логика бинарных противопоставлений в силу присущей ей декларативности обычно кажется наиболее убедительной. Говоря о своеобразии культурных форм, предназначенных не для понимания, а для воспитания чувства красоты вещей, востоковед В. В. Малавин поясняет: «Здесь мы наталкиваемся на одно важное различие между “большими стилями” культур Запада и Востока. Западная эстетика исходит из принципа мимесиса, подражания, обязывающего искусство соответствовать действительности – идеальной или

* Среди отечественных исследователей этой проблематики отметим: Ю. А. Аксенову, Н. Ф. Алефиренко, Ю. Л. Дмитриеву, И. В. Зыкову, Л. Б. Никитину, А. А. Пелипенко, С. В. Ракитину, В. М. Розина, Э. В. Сайко.

материальной. Из-за этой семиотической наивности миметическое искусство не только исповедует культ формы, но и невольно дает санкцию антиформе» (Малявин 2012: 292). «Искусство Востока воздвиглось на принципе “таковости” существования, самопротечения жизни и потому знает только извечное и вездесущее *подобие*. Последнее не имеет ни идеи, ни образа, ни индивидуального субъекта, в нем всякое явление опознается как возобновление, наследование отсутствующему оригиналу. Поэтому оно способно удерживать несущее в сущем, антиформу в форме» (Там же: 292).

Востоковедение как интердисциплинарная сфера гуманитарных исследований обладает инструментальным преимуществом «двойного зрения», а в его российском варианте делает естественным еще и третий цивилизационный взгляд на крупномасштабные кластеры категориальных понятий. Попробуем внимательнее приглядеться к интересующим нас в данной статье терминам. Существует нечто общее, что собирает в большое сопряженное семантическое поле все вышеприведенные слова и стоящие за ними значения. Наша задача состоит в том, чтобы, с одной стороны, точнее определить активное культурное пространство жизнедеятельности человека, его собственный мир, то, что оказывается включенным в границы данного смыслового поля. А с другой стороны, необходимо охарактеризовать то, что разграничивает и противопоставляет образ мира картине мира. Но для этого следует сначала понять, что придется отбросить или, точнее, вынести за скобки начинаемого обсуждения. Как поточнее очертить предстоящий водораздел?

Назовем выбранный исследовательский предел окомом и вынесем за него, за пределы нашей внутренней когнитивной ойкумены, все то, что относится к внешним параметрам живой и неживой природы, к материальным и информационно-техническим устройствам, к различным технологиям, способам и конкретным видам практической, рукотворной человеческой деятельности. Лингвоспецифичная сегментация повседневного опыта, накопленного в этой сфере работы, вызывает соблазн применить к описанию «картины мира» привычно используемые там прямые соответствия, аналогии, метафоры и физические модели. Но, как считал Бенджамин Уорф, делать это без особых на то причин не следует. «Безусловно, было бы интересно вообразить, в каком направлении могла бы развиваться психолингвистика, если бы Уорф был жив, но нужно понимать, что “картина мира”, доминировавшая на протяжении нескольких десятилетий после его смерти, была порождена понятий-

ной схемой, весьма отличной от его собственной, и она враждебна по отношению к его способу мыслить и высказываться. Его молярная и динамичная концепция сознания, базирующаяся на представлениях, сходных с теми, что сейчас используются в коннекционистских и голографических моделях когнитивных операций, схватывала текучесть, которой обладает мысль, когда она рассматривается исходя из субъективного опыта. Эта концепция резко расходится с теми метафорами сознания, которые опираются в основном на идею четко отделенных сущностей и интерактивных процессов, происходящих в рамках модели классической физики» (Lee 1996: 165). В такой постановке вопроса нам важно то, что именно здесь оказывается виден искомый водораздел между внешним и внутренним мирами.

Теперь следует охарактеризовать то общее, что несет в себе парное смысловое пространство понятий образа и картины мира. В задачу статьи входит рассмотрение генезиса, направлений и социокультурной динамики текучести мысли в этом едином культурно-психологическом пространстве. Особо будут обрисованы психофизиологические особенности исходной (базовой) и воспринимаемых в дальнейшем начальных персональных картин мира. Логика и механизм осознания пребывания личности в этом пространстве до сих пор оставались вне поля внимания отечественных исследователей. Исходя из постулатов диалектического материализма, они главное внимание уделяли закономерностям функционирования деятельности, а затем уже порождаемому ею психическому отражению. Психолог А. Н. Леонтьев впервые дополнил и расширил этот подход. Описывая понятие «картина мира» через чувственное, осознаваемое восприятие четырехмерного предметного мира, он добавлял к регистрации в сознании трехмерных предметных форм бытия, пребывающих в четвертом временном измерении, еще и мысль о «пятом квазиизмерении, в котором человеку открывается объективный мир. Это – *смысловое поле, система значений*» (Леонтьев 1983: 253). В наиболее абстрактном общем плане наработанное и накопленное пространство обретенных смыслов можно назвать разворачивающимся во времени вместилищем духовной культуры. А если говорить предметно, то в него следует включить весь обширный консорциум понятий, относящихся к мультимодальным нетелесным сущностям, напрямую никак не связанным с пресловутой трудовой деятельностью и с реальным сенсомоторным опытом физической работы.

В самом общем плане сюда может быть включено все накопленное человечеством культурное наследие, потенциально открытое для восприятия, структурирования и формирования картины мира. Потенциальная открытость всякий раз необходима для новых поисков достоверности и заново открываемых смыслов, а потому принципиально важна. Именно ею определяется масштаб возможностей и диапазон изменений на жизненном пути каждого из нас. Но если обратиться к проблеме понимания мира, то определяющее значение будет иметь уже все то, что обладает для человека характеристикой личной жизненной протяженности, ее смысловой, временной и исторической значимостью. Поместим в это пространство жизненного мира то, что формирует горизонт ожиданий, что сможет выйти за предположительные пределы этого горизонта, и то внезапное, что катастрофически резко сокращает диапазон привычных ожиданий, а также то, что уже как бы «противоходом» образует пространство наших воспоминаний. Последние обычно сохраняются в свернутой форме на «складах нашей памяти». В отрефлектированном общем виде здесь возникает именуемая историческим сознанием цепочка качественной сложности, образуемая неразрывной связью между прошлым, настоящим и будущим, явственно ощущаемая подготовленным образованным человеком. Но это скорее динамический итог серьезной интеллектуальной рефлексивной работы, доступный зрелой личности с ярко выраженной субъектностью, поскольку для нее самыми значимыми будут критерии достоверности и правдивости.

На менее осмысленном и более массовом уровне действуют упрощенные цепочки устойчивых умонастроений, поведенческих стереотипов, маркеров ранее перенесенных поражений, травм и обид, одержанных побед и достижений. Полуфабрикаты внешних картин мира массово поставляются в уже готовом к употреблению, проработанном виде ежедневными новостными потоками, формируются экспертными мнениями, операторским видением и режиссерским отбором, подаются ангажированной авторской интерпретацией, редакционной политикой, озвучиваются ведущими теле- и радиопрограмм, предлагаются сетевыми приложениями, «баттлами» и «комментами». Закрепленные броскими идеологемами, комплексы этих различной окраски готовых клише самовосприятия стимулируют побуждение к действию, лежат в основе моделей поведения, будут характеризовать ментальные типажи отдельных субкультур. В целом их общая условная совокупность часто подра-

зумеается под «зонтичным» выражением-термином «менталитет». Такова условная схема структурирования современных картин мира, которые оказываются доступными населению различных стран.

Нам же предстоит сейчас обратиться к самым истокам возникновения у индивида образа мира, или, точнее, сначала необходимо докопаться до первоначальных элементов картины мира, способных впоследствии всплывать на самых разных этапах жизни человека. Вопрос о том, с какого момента следует начинать отсчет, вызывает неутрачивающиеся споры и по-разному решается в восточном и западном миропонимании, в научных, философских, литературных и церковных кругах. В современной медицинской науке, после выделения в 1998 г. эмбриональных стволовых клеток из зародышей человека в возрасте нескольких дней, особенно остро встали морально-этические и медико-правовые проблемы перинатального периода. Но помимо тематики генно передаваемых свойств, выбора пола, суррогатного донорства и ЭКО ключевым остается вопрос о выборе момента, с которого человеческий зародыш должен рассматриваться как личность, имеющая право на жизнь и ее защиту в законодательном порядке. Оставим в стороне спорный вопрос о правомерности научного, юридического или конфессионального использования понятия «личность» применительно к эмбриону.

Другой сюжет имеет значение для нашей темы. Это тот важный отправной пункт, что неразрывно связан с развитием перцептивной психики, которая появляется где-то ближе к середине беременности по мере формирования прямых и обратных нейронных синаптических связей в мозгу эмбриона. Уже на этом внутриутробном этапе постепенно все более четко воспринимаются, регистрируются и отпечатываются родные сигналы материнского организма и некоторые чужеродные сигналы, исходящие извне. Имеют ли они внятный смысл? Вопрос, скорее, риторический. Он нужен лишь для уяснения того, что непроявленные инкапсулированные возможные, а также ретроспективно выявляемые уже много позже рождения конкретные смыслы надолго остаются «запечатанными» в подсознании. Из их повторяющихся коммуникативных совокупностей начинают возникать и откладываться в собственной памяти привходящие первичные индивидуальные ощущения и фрагменты образов внутреннего и внешнего мира. Отсюда впоследствии берется исходная матрица индивидуальной картины мира. Назовем ее «базовая картина мира», чтобы то, что она внесла в подсознание,

можно было отличать от приходящих извне различных «картин мира», всей остальной жизни человека.

На протяжении дальнейшего развития индивида его последующие (условно самостоятельные) образы мира будут наслаиваться именно на эти самые ранние отпечатки, в основном остающиеся в подсознании. То есть важно отметить и иметь в виду, что первичные воспоминания уже имеются (инкапсулированными или, как мы увидим далее по ходу изложения, в «запечатанном виде») у младенца к моменту начала родов. Поскольку ребенок и мать образуют единый устойчивый симбиоз, который обычно продолжает сохраняться какое-то время и после родов, то материнские внутренние образы мира и внешние импульсы, особенно чужеродные интенсивно окрашенные раздражители, воспринимаемые ею из ближнего социума, могут переходить на младенческие внутриорганизменные и внеорганизменные фрагментарные впечатления. Такие фиксации можно разделить на жизнерадостные светлые импульсы и на подавленные замкнутые состояния, пока свобода появляющегося сознания еще блокирована жесткими ограничениями пребывания во внутриутробном пространстве. Отечественные народные традиции, забытые современным социумом, досконально регламентировали контакты, допустимое поведение и условия общения окружающих с женщиной, ожидавшей рождения ребенка. И во многих культурах мира существовали табуированные строгие предписания и запреты, относящиеся к своеобразной «эмбриональной педагогике» (Сидоров и др. 2015).

В современной педиатрии подобные импульсы относят к категории импринтинга, и многие психологи считают, что именно в этой сфере часто коренятся основные индивидуальные равновесия и дисбалансы, закладываются такие будущие «черты характера», как благодушная радостная открытость или навязчивые детские страхи и фобии. У новорожденного ребенка самого раннего возраста, пока физическая подвижность организма и речевые навыки еще недостаточно сформированы, наиболее активной будет его звуковая сигнальная система, призванная интуитивно обеспечивать максимально возможное пребывание в зоне комфорта. Можно сказать, что этим стремлением пока и ограничивается сознательно доступный ему первоначальный образ мира. Бодрствующее сознание занято защитой своего базового энергopotенциала и все еще не предполагает появления критичности, а следовательно, и унаследованная от матери картина мира остается непроявленной.

ной и не отделенной от своего младенческого раннего крохотного образа мира. Но он постоянно и быстро будет увеличиваться в контакте с окружающими через непрерывное накопление информации и очень скоро обрастает первыми собственными открытиями.

На втором году жизни ребенка, пока ручная и станковая мышечная система всего тела еще слаба, доступная освоению картина мира будет связана с переходом от манипуляторной к предметной стадии деятельности, где ключевыми будут интерес к функциональному назначению попадающих в поле зрения предметов и растущая направленность сознания на достижение результата. Когда на третьем году жизни мышечная выносливость позволит удерживать позу стояния и наработанные двигательные, эмоциональные, психомоторные свойства будут обеспечивать динамическую координацию движений, открываемая картина мира станет доступной и за пределами освоенного домашнего пространства. А главное, растущая свобода движений непременно «включит» интерес к открытию новых доступных пространств.

До сих пор мы говорили о рамочных факторах, определяющих характеристики процесса формирования исходной младенческой картины мира. И вот теперь наступает тот этап, когда собственных сил и возможностей становится так много, что изначальное нерассуждающее отношение ребенка к окружающему пространству начинает подвергаться испытанию. Разумеется, индивидуальное сознание и подсознание с самых первых дней жизни начинают активно соотноситься друг с другом, постоянно расширяя горизонт восприятия мира. На этой основе со временем начинает работать естественный каузальный механизм сопоставления, когда образы внешнего мира будут часто вступать в противоречие со стремлением ощутить, утвердить себя, и этот конфликт, именуемый когнитивным диссонансом, будет преодолеваться присущим человеку желанием жить «взаправду». А в начале пути наступает «возраст почемучек», когда внутреннему процессу вопрошания, необходимому для возникновения критичности, постоянно сопутствует то, что делается вокруг ребенка, что говорит и как ведет себя его самое ближайшее окружение.

Развитие человека всегда происходит коммуникативно. На этапах детства оно по преимуществу идет в игре. Здесь жизненная гармония легкодостижима и потому это время часто называют «возрастом граций». В игре постигается то, что делается понарошку и – в отраженном виде – уже то, что происходит всерьез. Повсе-

дневный и игровой образы мира хотя и противоположны, но тесно примыкают друг к другу. Ощутить эту грань всякий раз бывает очень сложно, потому что надо понять, когда следует выходить из роли и пора приходиться в свое реальное состояние. Еще более проблематично, разыгравшись, поверить в то, что другой, твой партнер, уже вышел из игры, вернулся в свою будничную реальность и больше не играет. Это еще одна школа, где закладывается фундаментальная человеческая потребность узнавать истину. Приходится на своем личном опыте начинать пробовать, что можно и чего нельзя делать, учиться определять, где стоит оставаться доверчивым, а чему верить нельзя, и чего следует научиться опасаться. Время безотчетной доверчивости постепенно заканчивается и сменяется настойчивыми поисками пространства доверительности, правдивости ощущений и правильности собственных поступков. Отдельно нужно отметить момент, когда возникает важнейший человеческий разрыв между латентной, исходно по-матерински заданной «стартовой» картиной мира и впервые приобретаемым собственным опробованным образом мира. Наступает время критичности.

За несколько первых прожитых лет психомоторика развивается настолько, что маленький ребенок, однажды оказавшись вне привычной обстановки освоенного домашнего мира, уже впервые сам может соприкоснуться и осмысленно увидеть окружающую внешнюю среду. Такое новое сочетание внутреннего и внешнего углов зрения по-иному духовно форматирует то, что ребенок думает о своем «я» и о реальном «ничейном» большом неизвестном мире. Без сопряжения подобной самоидентификации с красотой живой природы очень трудно получить реальное представление о собственной идентичности. Поэтому от того, в каком состоянии будут «я» и природа в момент этой первой встречи, зависит очень многое в дальнейшей судьбе человека (Лев Карсавин считал это событие началом первой из трех доступных нам идентичностей). «Именно здесь, когда впервые приходящий в мир человек говорит ему “Да” или, в случае болезненного сбоя – “Нет”, замыкаясь в раковине собственной телесности, появляется целенаправленная интенциональность. У ребенка начинает складываться то восприятие предстоящего жизненного пути, которое впоследствии будет названо личностной идентичностью. Хорошо, если первая идентичность образуется в состоянии восторженного изумления, радости от видения мира, когда ребенок, впервые самостоятельно встречаясь

с живой природой, испытывает благоговейный трепет, выходит за границы собственной телесности и осознает себя открытым огромному внешнему миру» (Немчинов 2015: 207).

Идентичность как комплексное свойство, позволяющее ощутить свою целостность, полноту своих жизненных сил, рисующее собственный образ мира, обладает мощным энергетическим зарядом. Открытость ребенка в детстве видится как неумное щенячье любопытство и со стороны часто вызывает недоуменный взрослый вопрос: откуда у ребенка столько сил? «За счет окружающего энергетического поля. Ведь мы живем не в энергетическом вакууме, а в плотной энергетической среде. И малейшая трата оперативного энергопотенциала тут же компенсируется этой средой. Процессы траты и восстановления протекают одновременно. Собственно говоря, это один слитный процесс, который регулируется синусоидой “дыхания” нашего оперативного энергопотенциала. Именно синусоидальный ритм удерживает нас в пределах целостности – мы и не переполняемся, и не иссякаем. Окружающее энергетическое поле для всех одно, а восстанавливаемся мы по-разному. Если трата происходит на фоне положительных чувств, то включается антиэнтропийный процесс. Если трата происходит на фоне отрицательных чувств – работает только энтропийный механизм. При этом синусоида уменьшается и деформируется. Оперативный энергопотенциал тает, работоспособность падает» (Акимов, Клименко 1994: 109). Что же может выполнять роль пускового импульса энтропийного механизма?

Востоковедам хорошо известны индийские, китайские, тибетские, японские концепции взаимодействия человека с окружающим его энергетическим пространством. Восточные методы диагностики и рефлексотерапии внутренних образов мира исходят из признания возможности передачи, наложения, а при целительстве – и поэтапного снятия целого ряда чужеродных воздействий: таких устойчивых символических отпечатков, как кармические записи, инграммы, клише навязанного поведения, негативные программы и другие блокирующие гармонию жизненного мира структуры. Существуют мощные, глубоко продуманные традиционные практики, позволяющие выправить девиации индивидуальных образов мира и непротиворечиво встроить их в преобладающие картины мира восточного социума. Западному просвещенческому рационализму академического толка априори непривычно признание наличия и реальности таких связей, измерение подобного психологического

символизма, а тем более регистрация способов и форм персонального бесконтактного негативного (или терапевтического) взаимодействия людей (исключение составляют исследования коллективного бессознательного и связанные с этим политологические теории психологии толп Густава Лебона, массовых идеологических внушений Сержа Московичи и их последователей). На Востоке реальность трансперсональных прецедентных практик не ставится под сомнение: например, в Индии новорожденному сразу же надевают «тавидж» – индивидуальный оберег, а при выходе на люди ресницы младенца обязательно интенсивно красят для защиты от дурного глаза. Относя убеждения в подлинности этих и подобных им ценностно-прагматических воззрений к формам традиционного сознания, передаваемым ребенку как через самое ближнее, интимное семейное окружение, так и через возможную встречу с чужим, отметим их неизбежную значимость для сохранения извечно существующей «небесно-звездной», впоследствии прозреваемой картины мира, самобытность которой играет важную роль в понимании и выстраивании линии жизни и судьбы человека на Востоке.

Но и на Западе существуют психолого-исторические школы, бросающие вызов «ньютоно-картезианской парадигме западной науки» (А. Маслоу, Р. Фейджер, Дж Фейдман, Э. Сьютич). Огромная детально разработанная практика психоаналитической терапии, опирающаяся на психофизиологические конструкты юнгианства, ставит своей задачей скорректировать смещенные образы мира у своих клиентов, не только вытаскивая из подсознания травматические переживания детства, но и делая пробор в предыдущие воплощения в поиске неотработанных кармических задач, грехов и иных межпоколенческих психологических шоков.

В трансперсональной психологии существует убеждение в критическом влиянии на образы мира индивидуума психических травм, получаемых плодом в периоды вынашивания и рождения (М. Л. Пирболт, О. Ранк, Д. В. Винникотт, Р. Нейбор, Д. Хертенштайн). К. Г. Юнг в свое время много писал о потенциальной «травматичности» приобретенного первоначального комплекса ощущений, которое оставляет младенца с готовым стартовым багажом для его включения в ближний мир. Опираясь на эти постулаты, С. Гроф выдвинул теорию четырех базовых перинатальных матриц (БПМ 1–4), имеющих биологическую основу, где при рождении новой жизни формируются устойчивые символические и архетипические образы. БПМ-1 запечатлевает статическое состояние

безмятежности, легкости и плавучести, с которыми отождествляется весь внешний мир. Первой фазе родов соответствуют переживания затворничества и грядущей опасности (БПМ 2). На второй стадии, при прохождении через родовый канал, начинающаяся асфиксия воспринимается как фаза борьбы умирания и жажды возрождения (БПМ 3). С выходом на свет и началом дыхания (БПМ 4) возникает состояние освобождения и чувство спасения. Данная теория ставит многие психологические состояния человека в зависимость от благоприятных или неблагоприятных условий протекания родовых событий. При регрессивных травматических условиях конкретные физиологические ситуации сопровождаются фиксацией негативных психических комплексов (Гроф 2008).

В целом и восточные, и западные представления о сознании и подсознании человека имплицитно предполагают, что у каждого нового человечка уже есть его маленькая изначальная (базовая) картина мира, основанная, помимо отпечатков исходных воспоминаний, на его безусловном доверии к матери и к ближайшей родне. Поскольку все эти автохтонные социокультурные, обыденные секулярные и/или сакральные домашние установки составляют часть традиционного привычного семейного отношения к внешнему миру, они призваны обеспечивать стабильность в понимании себя и очерчивать те индивидуально постигаемые пределы, за которые маленький человек выходить не должен.

Проблема самостоятельного вхождения в жизнь, однако, состоит в том, что при нормальной семейной ситуации обыденные установки, исходящие от взрослых, напрямую не усваиваются. Скорее для детской индивидуальности более действенным может оказаться намек, иносказательная, яркая метафора бытия, которая содержится в мифе, в рассказанной сказке, где через мысленное соучастие в игре происходит соотнесение моего «я» с «другим» и в процессе диалогического смыслотворчества возникает собственное интуитивное ощущение достоверности. В этом пункте исследования нам необходимо отказаться от широко распространенного стереотипного представления, что существует прямая передача и усвоение нового необходимого знания, и прежде всего критически важного знания допустимых ребенку пределов. Так предназначенная для него картина мира не транслируется. Обыденное представление о том, что в процессе развития нормативное и эмпирическое знание из наполненного сосуда наставника переливаются в пустой кувшин

ученика, не просто устарело. Это фикция, которой нет в реальности.

Как показал М. К. Петров, полноценно передаваемое знание должно трансмутировать, чтобы быть усвоенным. Заметим в скобках, что сегодня, когда система образования вынужденно переходит на удаленный режим, сетевое сообщество устранило ранее непреодолимые цеховые перегородки эксклюзивной информационной специализации, практически любое знание из Интернета можно «кликнуть» и распечатать, но все дело в том, что пока это лишь информационная обложка. Чтобы знание по-настоящему раскрылось, вы должны быть уже подготовлены к его восприятию. Все «распечатываемое» должно было быть перед этим неявно когда-то вами запечатано. Как говорили Марсель Пруст и Мераб Мамардашвили, запечатано «в вазе», чтобы оно смогло органично войти в индивидуальный образ мира личности. «Все, о чем я знаю извне, все, о чем я слышал, все, что пришло ко мне от других, все это – не мое; только то, из того, что я испытал сам, и только из моей собственной тени вырастает действительное знание, действительное впечатление и действительный мир» (Мамардашвили 1997: 215). Как переводчику мне представляется, что использованный ими термин и его буквальный перевод с французского не совсем удачны, и как востоковед я заменяю «вазу» на «кувшин», в котором, хотя он и маленький, как известно, изначально был запечатан огромный джинн – хранитель любых знаний и умений. Какие картины мира он хранит в запечатанном виде? Как и кому он будет начинать служить сегодня?

Берет его к себе на службу тот, чье любопытство проявится в стремлении выйти за пределы знакомой базовой картины мира, кому она покажется мала. Тот, кто при первой самостоятельной встрече с настоящей живой природой явственно почувствует ее осязаемую притягательную материальность и соответственно подлинность своего бескорыстного единения с окружающим большим миром. На этой, если угодно, планетарной основе возникает наша неотъемлемая первая идентичность и активный, ярко запечатленный, впервые осмысленный собственный образ мира. С его меркой мы будем теперь из мира своего «я» смотреть на людей.

Видя в таких актах философскую тему связи бесконечной чувствительности с разумом, Мераб Мамардашвили называет их «актами первовместимости». Так он вводит тему «некоторых условий и предпосылок того, чтобы вообще был какой-то мир, в котором

осмыслены и могут быть высказаны этические или психологические суждения. Нам нужно привыкнуть к тому, чтобы в наших головах останавливать действие предметных картинок. Вот мы смотрим на мир, на самих себя, на других, и пока мы это делаем, в нашем сознании пляшут – не просто действуют, а буквально пляшут – предметные картинки. Буддисты сказали бы в таких случаях, что наш разум похож на метание обезьяны в клетке. Это действительно похоже, но сейчас я имею в виду совсем не сторону физического беспокойства или нервности, а тот факт, что в нашей голове пляшут – независимо от нас – предметные картинки всего того, о чем мы можем подумать и что мы можем почувствовать. Я говорю: психология. Имеются в виду какие-то психологические качества: злой, добрый, чувствительный, нечувствительный и т. д., тысячи всяких психологических вещей. И мы, уже имея предметную картинку, никак не можем мыслить о том, что дело не в том, чтобы в терминах этой предметной картинки у отдельно взятого человека, которого мы наблюдаем, было бы то, что мы называем психологией. Мы никак не можем отделаться от той картинки, которая дана натуральными качествами существ, называемых людьми. Если философ говорит, что, простите, в данном случае вообще неприменима психология, конечно, мы должны возражать, повинувшись действию предметной картинки. Как же – люди ведь имеют психологические качества. Но, повторяю, наличие качеств у людей есть действие в нас предметной картинки этих качеств. Это довольно сложно ухватить, но если это не ухвачено, все остальное не имеет смысла» (Мамардашвили 1997: 338).

Так что же происходит, «если это не ухвачено», если наш кувшин оказывается нераспечатанным и джинн смысла остается неизвлеченным? Происходит отключение собственной мерки смыслоизвлечения, и наша неотъемлемая первая идентичность «замораживается», перестает вырастать в свою вторую «актуальную идентичность». Утрачивая интерес и способность выстраивать осмысленный собственный образ мира, мы перестаем из мира своего «я» смотреть на людей. Мы уступаем себя непереваренным смыслам других людей. Мы понимаем, не понимая, видим, не видя. «Смотрим – и не видим того, что перед нашими глазами. Ведь этого нельзя объяснить глупостью или, наоборот, умом данного человека. Нельзя описать случайно, здесь действуют какие-то законы» (Там же: 254). «Но мир, повторяю, не ждет, пока смыслы развернутся в уме ребенка» (Там же: 256). Мир социума всегда готов что-то

предложить взамен. Он предлагает легкоусваиваемый продукт «фастфуд» – уже приготовленную из неизменного меню готовую картину мира. Критикуя с философских высот отсутствие необходимой диалогичности и узкую догматическую однонаправленность в конструкте «картина мира», Юрген Хабермас противопоставляет ему и вводит в оборот обобщающее диалоговое понятие «жизненного мира». Он обосновывает его так: «...всякая попытка детрансцендентализации субъективности, конструирующей мир, обречена на неудачу до тех пор, пока трансцендентальный перепад между открытием мира посредством языка и событиями мира делает невозможным обратное воздействие. Иная картина получается, если “язык” не сводят к семантике языковых картин мира, а понимают его, как и сам Гумбольдт, прагматично, т. е. как коммуникативную практику субъектов, действующих, участвующих в дискурсах, решающих проблемы и таким образом *обучающихся*. Языки не только раскрывают горизонты заранее интерпретированного жизненного мира. Они неуловимо опережающим образом не только прокладывают дороги возможных встреч с тем, что имеется в мире. Так как языковая коммуникация проходит во взаимных и нацеленных на критику претензиях на значимость, участники, которые должны работать в условиях разочаровывающей реальности, могут услышать возражения со стороны собеседников. Исходя из своего *понимания*, они могут изменять под неожиданным давлением негативного опыта отдельные мнения. Это умозрительное представление о языке как средстве открытия мира, которое *нуждается в оправдании на практике и оставляет простор для процесса обучения*, подрывает старое трансцендентальное различие между деятельностью по конституированию мира и событиями, которые конституированы внутри мира» (Хабермас 2011: 109). В. В. Миронов, предваряя публикацию этого тезиса в выступлении Хабермаса в МГУ, поясняет: «Построение картины мира, отмечает философ, начинается с обыденного мира и, добавим мы, конструируется обыденным сознанием, которое присуще всем, в том числе и ученым, погруженным лишь в кажущуюся им независимой предметную область. Ученый вводит предметные ограничения и теоретические рамки, которых на самом деле не существует, т. е. он вводит их на уровне собственной обыденности. Это похоже на упрощения, которые человек осуществляет в обыденной жизни, объясняя те или иные свои поступки. Действия дикаря, бросающего дротик в наскальное изображение, в этом смысле не менее обоснованы,

чем действия современного человека, стучащего по телевизору или трясущего мобильный телефон, когда они не работают. Разница поступков исходит из включенности в то или иное коммуникативное пространство человека, задающего правила коммуникации» (Хабермас 2011: 20). Так, подключенность к зафиксированным внешним правилам, вызывающим действие в нас предметной картинки качеств социального раба и потребителя, обеспечивает индивида лишь хлебом и зрелищами и совершенно не требует рисков и усилий постоянной борьбы за выкраивание живой правдивости из застывающей картины мира. Образующие ее готовые, довольно консервативные, устойчивые сгустки мыслеобразов, как обычно, навязываются человеку извне в качестве социально правильного представления о внешнем мире. Такая устоявшаяся картина мира может переформатироваться лишь при радикальной смене эпох, когда рвется социальная ткань общества и вынужденно перекраивается вся хорошо накатанная жизнь.

Зрелой личности свойственны критическое отношение к стереотипам повседневности, неугасающее стремление к правдивости и постоянному поиску действенного смысла. Каждый раз с помощью заново прочитываемых нами «текстов культуры» мы опосредуем свое отстранение от обыденности серой повседневности и преодолеваем зависимость от разноцветных фантомов фейковых картин мира. Там, где благодаря собственным усилиям в нас происходит это творчество, мы каждый раз снова становимся создателями. Тогда мы создаем свой подлинный образ мира через его критическое переосмысление. Это трудный паломнический путь постоянного духовного поиска, где в единении с высотами культурного наследия человечества мы очищаемся сами и защищаем от наступления неминуемой энтропии хрупкую целостность чаемой нами красоты и свободы.

Подводя итог сказанному, можно заключить, что образ мира всегда ощущается нами как нечто внутреннее, как свое найденное и потому нам дорогое, но отнюдь не раз и навсегда обретенное. Образ мира представляет собой насыщенную эмоциональным интеллектом, интуицией и предвидением проекцию самости вовне. Этим он радикально отличается от предлагаемого извне пестрого набора готовых картин мира. Таким мне видится соотношение между неслучайно смешиваемыми «простыми» понятиями образа и картины мира.

Литература

- Акимов, И., Клименко, В. 1994. *О природе таланта. «О мальчике, который умел летать, или Путь к свободе»*. Т. 1. Концепция. М.: Студенческий меридиан.
- Гроф, С. 2008. *Путешествие в поисках себя*. М.: АСТ.
- Карта слов и выражений русского языка. 2020. URL: <https://kartaslov.ru/синонимы-к-слову/мировидение>.
- Леонтьев, А. Н. 1983. *Избранные психологические произведения*: в 2 т. Т. 2. М.: Педагогика.
- Малявин, В. В. 2012. *Цветы в тумане: взгляды в Азию*. М.: Наука.
- Мамардашвили, М. К. 1997. *Психологическая топология пути: М. Пруст «В поисках утраченного времени»*. СПб.: Изд-во РХГУ.
- Немчинов, В. М. 2015. Личностная идентичность и пути ее трансформации в XXI в. В: Немыченково, В. И. (отв. ред.), *Национально-культурная идентичность в современной России: истоки, особенности, перспективы*: сб. ст. СПб.: Алетейя, с. 200–219.
- Сидоров, П. И., Чумакова, Г. Н., Щукина, Е. Г. 2015. *Перинатальная психология*: учеб. пособие. СПб.: СпецЛит.
- Хабермас Ю. 2011. *От картин мира к жизненному миру*. М.: Идея-Пресс.
- Lee P. 1996. *The Whorf Theory of Complex. A Critical Reconstruction*. Amsterdam: John Benjamin's Publishing Company.